

Михаил Герасимов

Квенгола

Криптоапокалипсис

12+

Михаил Николаевич Герасимов

Квенгола

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41977626

SelfPub; 2019

Аннотация

Тайна мозга и неясное компьютерное будущее планеты столкнулись там, где этого никто не ждал. Зашифрованный артефакт оскаливает зубы на прогресс человечества, и, кажется, перед ним бессильно всё технологическое совершенство. Потому что удар нанесён из глубины времён.

(Эквадор. 2024 год.)

Рукопись не поддавалась. Набор символов был примитивным и символы часто повторялись. Но несмотря на это никакой метод взлома не давал результатов. Начали с самого простого частотного метода, но сформировать слова или слоги не удалось. Попробовали сканировать текст алгоритмом двухмерных матриц. Безрезультатно. Никакого подобия смысла, системы.

– Сэмми, расскажи ещё раз, где вы это откопали.

– В Перу. Полезли просто полазить по склонам, а нашли это. Сколько было разговоров, как это теперь вывезти из страны. Но и хлипкая версия "купили на блошином рынке как сувенир" в итоге не пригодилась. Это было на куске кожи. Кожа была залита смолой, как листок доисторического папортника в янтаре, и потому сохранилась. Хорошо, что мы успели сфотографировать её ещё в пещере и несколько раз позже. Как только мы вышли на свет, через некоторое время в коже, видимо, началось подобие химической реакции и она постепенно помутнела, из красной и гладкой стала бурой и слоистой, как рыхлый графит. Потом потрескалась и помутнела сама смола. В общем, наследие перуанского идола, в чьём основании мы нашли это, или не предназначалось для людей поверхности, или они просто не всё знали об этой смоле.

– Им бы ламинатор!

– Да уж... Или ещё немного сообразительности, чтобы вы-

сечь второй экземпляр текста на камне. Или на золоте, что было бы идеально и так обычно для них, и приятно для нас. Но, что нашли, то нашли. Но теперь нас интересует не столько то, сколько бы могла стоить эта реликвия, а её содержимое, смысл.

– Что меня больше всего поражает в этом фото, так это ровность строк. Это были аккуратные ребята. Ровные строки, символы одинакового размера. Лучшие ассирийские каллиграфы могли бы позавидовать. Знаете, что напоминает? Есть ощущение, как от QR-кода. Как-то слишком компактно и аккуратно для древнего рассказика об их верованиях или для записок их жреца. Что-то в этом есть от перфокарт прошлого века. Строки подогнаны под равное количество символов. Символы слишком минималистичны. Скорее выглядят как сегменты букв, символы разметки текста в Word, служебные знаки. До пиктограмм даже не дотягивают.

– А может это и есть код, типа клинописи?

– Клинопись – тоже обычная "пись", как и другие, – вставил своё авторитетное слово Сэм. То есть тоже письмо. Ничего там особо кодового нет. То, что мы уже попробовали для взлома этого послания, уже раскусило бы его. Для трехмерных алгоритмов я тут не вижу точки входа, зацепки. Вряд ли кто-то так сильно заморачивался на куске кожи 5, 50 или 200 тысяч лет назад.

– Я что ты скажешь о рамке вокруг текста? Прямоугольник правильной формы, абсолютно параллельные стороны,

закругленные углы...

– Рамка, как рамка...

– Я подумал про штамп. Что если это было нанесено не рукой, а штампом, например? Тогда где-то есть штамп, мастер-оригинал. Тогда он должен быть зеркальным. Ты понимаешь?

– Прижато и скопировано давлением? Может быть. Даже думаю, что здесь было в правильном виде, зеркально повернутый штамп, или этак копия.

– Да!

– Плохо ты знаешь наши программы и методы. Программа просканировала текст во всех направлениях, включая его зеркальные копии.

– И что ещё у нас есть в запасе?

– Том. "Том-в-кубе". Наш дорогой запойный математик. Если только эта головоломка не отправит его в финальный запой.

– Томми – голова. Странная голова, но то в нём и ценно. Он бы, пожалуй, смог бы посмотреть на это под другим углом. Или градусом. Градусы – это по его части. Как только он умудряется не растерять своих работодателей со всеми своими прибабахами!

...

(4 дня спустя)

– Вы меня разыгрываете? Где вы это взяли?

– Долго рассказывать. Расскажем всё, как бонус к гонора-

ру. Мы скинемся!

– Нет, сейчас, потому что я прямо сейчас хочу знать, кто и как прогуливался по моим галлюцинациям!

– Томми, ты к нам совсем вернулся, или у тебя протрезвел только вестибулярный аппарат и отдел нервных подозрений в мозгу? Подскажи что-нибудь!

– Сейчас! Кто ко мне приходил? Вы меня записывали? Я что-то говорил? Я бредил?

– Нет. Твой номер был всегда заперт изнутри. Ты отсыпался и оттягивался как хотел. И нам стоило изрядных усилий убедить администратора отеля, что "Веселый Роджер" на балконе лишь детская выходка. Ты бы, того... Мы знаем, а посторонним людям тебя понять будет не легко.

– Ладно. У меня в номере и кроме замка было ещё кое-что. Ладно. Я готов поверить, что это просто совпадение. Но у меня всё же мозг, а не компьютер. Придется проверить это на трезвой программе. Здесь нет видимых закономерностей, а может и нет текста. Надо попробовать накладывать это со смещением на символ или попробовать складывать символы друг с другом на прозрачном фоне.

– И всего-то? Да со смещением на символ мы из гимна США геном игуаны сделаем!

– Валяйте! Но ваши символы при всём многообразии и примитивности умещаются в 12-точечный светодиодный индикатор. А значит это 12-битный код. С шифрованием или без... Не знаю, что там дальше, цифры или буквы, или ещё

что. Может быть это можно просто проигрывать как аудио-CD!

– Мы сразу об этом не подумали! Ну, Томми! Впечатляет! Ну, что, поможешь? Надо всего полдня покурить над тем, как это запихнуть в файл, а программу можно использовать ту же.

– Есть выпить? Я две недели занимался не только биологическим расщеплением алкоголя. Больше ничего не могу сказать. Только то, что то, что я придумал, у меня купят. И купят потому, что после передачи я тоже не смогу это взломать. Никто не сможет. И никогда. А ваша картинка похожа на одну из моих промежуточных мыслей. Никуда это не выкладывайте. По крайней мере месяца три-четыре. Идём?

– Идём. Выбирайся из своей берлоги. Угощаем.

...

(2 дня спустя)

В очередной вечер каникул, ребята снова сидели в своём номере и перетирали свои отпускные впечатления, компьютерные темы, идеи проектов, находки, планы.

– Чтоб я сдох, а в бар я больше не спускаюсь. Этот ямайский парень со шрамом или нас знает, или у него просто такой долбанутый взгляд, что я всё равно не хочу с ним больше встречаться. С таким взглядом можно после очередного коктейля пристрелить полбара, расплатиться и застрелиться самому. Я не хочу попасть в новости! Заказывайте в номер.

– Ха! А русских ты там не встречал? Таких, со взглядом

вдоль коридора, как будто тебя в коридоре вообще нет.

– Встречал. Ну, такие они. Они не носят приклеенные улыбки. Пожил бы на Аляске, знал бы, каково улыбаться в мороз. Прошел мимо и можешь быть, в общем, спокоен. Ему, скорее всего, просто никакого дела до тебя, или он из их КГБ. Тогда даже если ему до тебя есть дело, то лучше считай, что ты уже завербован, иди к себе, налей Колы и улыбайся. Ещё раз встретитесь, перекинетесь парой слов о погоде, потом получишь гонорар из Москвы, а дома сразу из аэропорта тебе подадут бесплатный микроавтобус с охраной до Лэнгли. Что? Уже смешно? Может уж лучше ямайский наркоторговец? Да. Взгляд у них бывает занятый. Иногда сразу хочется начать шевелить ногами раньше, чем он закончит фразу из двух слов. Посмотрим Youtube? Я подсел на русские каналы.

– Вау! Вяжите Сэма! Он подсел на русские каналы! Может его уже и завербовали?

По номеру прокатилась волна смеха и пара пустых бутылок.

Томми, весь вечер массиравший клавиатуру в углу в кресле, откинулся на спинку, выдохнул, потер виски и чему-то непонятно улыбнулся. Про его существование за разговором успели подзабыть, но теперь худой, чудаковатый математик-отшельник снова стал центром пересечения взгля-

дов, вытянул шею из толстовки, как черепаха из панциря, и посмотрел на всех. Немой вопрос озвучился сам собой.

– Что-то получилось?

– Квенгола.

– А это ещё что за ...?

– Один килобайт, с которым я пока не знаю, что делать.

– Э, я ещё не понял, какая квенгола?

– Да первое, что пришло в голову. Набор букв без смысла.

– Как это "пришло в голову"? Ты же колдовал над кучей символов, а в голову пришло одно слово?

– Да вот так!

– Значит, опять тупик?

Он помолчал несколько минут и все решили уже вернуться к прежним разговорам, чтобы не разрушить хрупкий поток мысли компьютерного комбинатора, как Томми изрёк следующее:

– Нет! Тупиков не бывает. Есть только момент, когда заканчиваются извилины в мозгу. Мы упакуем этот ваш (пип!) килобайт в (пип!) бинарный файл и закинем его в поток, из которого майнят биткоины. Там он поварится пару месяцев на просторах зомбированного интернета...

– Томми, а ты сильно звезданутее, даже чем я думал! Без обид! Это комплимент! Кто бы из нас мог до этого додуматься! Психиатрическая помощь за рубежом входит в страховку?

– ... а там другие вычислительные мощности. Зря что ли

придумали способ задёшево заставить пол-планеты высчитывать за свой счет хрен знает что? У нас в руках пока цифровой мусор. Руда. Входной зашифрованный мусор ничего не стоит по сравнению с тем, что на выходе. Может до конца света, даже если он не далёк, и наш кусок мусора переплавится в новогоднюю открытку из 2000-го века до нашей эры. Как знать!

– А нам что с того?

– А у нас исходник! Где бы не выплыл результат, он наш. И приоритет наш, и права на результат.

Какого стоило ждать результата, никто не знал, но все надеялись хоть на что-нибудь осмысленное. Это по минимуму. Для самоудовлетворения. Но хотелось большего. Втайне каждый держал пальцы за свою гипотезу. Кто за факт палеоконтакта с инопланетными пришельцами, кто за потерянные технологии, кто за новую страницу в копилку истории дальней не родной страны, что тоже было бы не мало, но тут вплеталось чувство досады за утраченный оригинал, без которого открытие придётся долго отстаивать и отметать обвинения в “липе”, фейке и тому подобное.

– Только не про конец света! Мне уже вот где ежедневный трёп про календарь мая за все годы перед 2012-м.

– За это стоит выпить! Не так противна мысль про конец света, как её обсуждение.

– Принято!

Лёд звякнул в напитках и компания переключилась на закуски.

(11 спустя. Снова в Южной Америке на отдыхе. Буэнос-Айрес.)

– Кто сказал? Как это было?

– Томми вывалился из окна.

– Дома?

– Дома. Он и хотел в этот раз остаться дома.

– "Белочка"?

– Нет, трезвый.

– А что полиция?

– Полиция считает, что он просто "съехал". У него нашли только отформатированный ноутбук, очищенный мобильник и записку, на которой три раза написано одно и то же слово в столбик.

– Какое?

– Да то самое, та самая лабуда из набора букв.. Ну, в его стиле шуточка.

– Венгулу?

– Что-то типа того. Не помню. Но это сейчас во всех новостях.

– Томми во всех новостях? Почему? Это же не римский папа кинулся с окна!

– Слово из записки пожирает интернет, границы и все системы. Рухнул курс биткоинов, распалась сеть, по миру гуляет непонятный вирус, который ничего вредного с компами не делает, только распространяется, но довольно странно. Только пользователи уходят, прекращают сёрфить, постить и так далее. Об этом стало известно, хотя владельцы соцсетей и прочих ресурсов официально пока ничего не подтвердили. Шумиха только из-за сообщений некоторых компьютерных гиков, вроде нашего Томми, которые не пелятся в интернете на девок, не листают фотки котиков, а только что-то раскапывают, мониторят, сравнивают... Но теперь фактов предостаточно и не нужно ничего раскапывать. Вирус, если это вирус, легко ловится любым антивирусом. По крайней мере его часть, которая как-то похожа на подозрительный код, или напротив, не похожа на куски обычного кода. Он распространяется по компам, экранам, принтерам, форумам, чатам и отображает по соцсетям одно слово.

– Венгола?

– Квенгола.

– И всё?

– Всё. А что, мало? Только раньше статистика онлайн общения поминутно росла, как объем дискового пространства Google, а тут стала резко падать. Мой папаша позвонил и сказал, не без ехидства, что давно не видел на улице просто столько разговаривающих людей на улице. Заметьте! Не уткнувшихся в смарт, а говорящих даже с незнакомыми. Что

там ещё? А... Вот. Повторно ни один комп не заражается, но остановить его не получается. В одном случае он "перешел улицу", отобразив это слово на уличном экране, а оно попало в камеры наблюдения. Он везде. В дополненной реальности, в изменённых текстах на упаковке лапши в супермаркетах, на табло вокзалов, в SMS-ках с прогнозом погоды, в FM-радио, в объявлениях остановок, на ТВ, в прошивках мобильных... И задействовал все сервисы машинного перевода, чтобы никому мало не показалось ни в англоговорящих странах, ни на Ближнем Востоке, нигде.

– И Томми зачем-то стёр всё, что у него было?

– Если бы просто стёр, и только он, то ничего удивительного. А тут эпидемия повсеместная, кроме, пожалуй, Калahari и Гренландии. Начинаю завидовать эскимосам.

– А не "кинул" ли его секретный правительственный работодатель? Помнишь? Он собирался что-то продать федералам или ещё кому-то.

– Похоже, не кинул. Подробностей нет, но в целом, из всего, что о нём было сказано, его финансовое благополучие и было не из последних, а полгода назад получило серьёзное вливание, с которого он честно и в срок уплатил налог, и этого налога всем нам хватило бы очень на долгое беспробудное веселье в любой точке мира, хоть в Монако, хоть в Осаке. Так что мотив какой угодно другой, только не шаг отчаяния от бедности.

– Что ещё?

– Стали миллионами исчезать профили из соцсетей и миллионами отключаются и исчезают абоненты сотовых сетей. Вот что самое странное. Такого никогда не было.

– Куда исчезают?

– Откуда я знаю куда! Только исчезают и владельцы сетей и министры иностранных дел в том числе. И остаются чистые компы и мобильники.

– Вирус?

– Нет. Информацию стирают сами пользователи. И исчезают.

– Совсем? Кончают с собой?

– Нет. Начинают жизнь овоща, или фикуса. Есть и спать. Иногда только спать.

– Включи ящик. Посмотрим...

Они просидели за холодным пивом весь вечер. С 11 сентября не было такого. Веерные отключения сетей электропитания, отключения телеканалов, погасшая GPS, остановка производств, отключения трансокеанских кабельных линий, оптики, эфира... Под утро оставалось живо еще две местные станции, ретранслирующие выборку из вчерашнего онлайна и поредевшее спутниковое.

– Сэмми, тебе не кажется, что очаги расползаются именно таким образом, чтобы дать вирусу спокойно захватывать остающееся и не оставить ни одного работающего канала позади себя?

– А.. да.. норм.. ОК.

– Да вылезь из мобильника!

Сэм, некоторое время не принимавший участия в обсуждении, наконец кинул мобильник на журнальный стол.

– Да. Классно всё. Логично. А ты не хочешь помочь вирусу?

– Чем? Открыть окно, как Томми?

Сэм закинул голову на спинку дивана, спокойно, через нос затянулся воздухом, как будто повеяло чем-то невыразимо приятным, и так же долго с хрустом в суставах потянулся.

– Сэм! Ты уже набрался? Что делать будем? По ходу, завтрак придётсá утром готовить на костре, а домой возвращаться как Миклухо-Маклай.

– Как?

– Пешком!

– Пешком?

– Да. Пешком, до Сиэтла, без банковских карт, мобил и навигатора!

– Да всё зашибись! Какое слово! "Квенгола". С эхом. Не пыльное. Не шипящее...

В голосе Сэма прозвучали не характерные для него нотки медлительности. Таким “живчика-Сэма” никто не помнил.

Переглянулись.

– Ну, ОК. Дрыхни тут. Тут вполне комфортно, а тащить тебя из гостиной... Сэм! Сидя будешь спать?

Мобильник Сэма мелодично булькнул и произнёс "Здравствуйте! Коснитесь экрана, чтобы начать настройку вашего телефона. Коснитесь кнопки "Отмена", если хотите настроить персонализацию и аккаунты позже."

Все посмотрели на телефон. Приглашение к настройке ещё светилось. Телефон, видимо, был чист. как в день покупки. В сознании отдавалось эхом "...гола. ... гола. ... гола."

Покой и тишина, ровный белый свет заполнял мозг, вытесняя мысли.

Какое слово!

Последнее слово. Для всех, кто шел под руку с технологичным миром. Чтобы техномир помог этому слову разнестись по миру. Чтобы техномир, достигнув определённого предела, тихо отформатировал себя руками своих создателей и ушел вместе с ними. Последнее слово разбудило и запустило скрытые глубоко в памяти механизмы ограничения и самоликвидации. Вирус, возможно, был во всех нас с давних времён, но в раздробленном, фрагментированном состоянии. Искра, ключ этого механизма, как сигнал к объединению разрозненных частей, неосознанными усилиями людей превратился в кусочки кода, способного действовать в совместимых средах. Мы сами же обеспечили ему эту полную совместимость.

Последнее слово вырвалось и распространилось.
И это слово было Квенгола. Квенгола. Квенгола.